

Некрасова Ольга Ивановна,
*научный сотрудник ФГБУН
 ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
 lesik3108@yandex.ru*

**Об одной особенности *k*-ового деепричастия
 в коми-зырянском и коми-пермяцком языках**

Аннотация. Статья посвящена отглагольным *-к*-овым образованиям коми-зырянского и коми-пермяцкого языков с формами *-иг*, *-ик*, имеющим в этих пермских языках статус деепричастия. Рассмотрены конструкции, в которых проявляются атрибутивные свойства этих *-к*-овых образований и синтаксические функции определения, вторичного предиката в объектной конструкции.

Ключевые слова: коми-зырянский язык, коми-пермяцкий язык, деепричастие, синкретизм, определение.

Olga I. Nekrasova,
*research scientist of Komi Science Centre,
 Ural Branch of the RAS
 lesik3108@yandex.ru*

**About one peculiarity of *k*-form adverbial participles
 in the Komi-Zyrian and Komi-Permyak languages**

Summary. The article is devoted to the *k*-verbal forms (the *-ig*, *-ik* forms) of the Komi-Zyryan and Komi-Permyak languages respectively, which have the verbal adverbial status in these Permian languages. Constructions with attributive properties of this *k*-verbal forms are considered.

Key words: Komi-permyak language, komi-zyrian language, adverbial participle, attributive.

Пермские языки отличаются развитой системой деепричастий, особенно коми-зырянский язык. Несмотря на то что в каждом из пермских языков деепричастия получили собственное развитие, например, только в удмуртском языке есть деепричастия с формой на *-са* (исследователи выделяют также формы на *-мтээн*, *-мтэысь*, *-мен*, *-эмьсь*,

-мысь), только в коми-пермяцком – деепричастия с формой на *-тõн*, во всех трёх языках имеется ряд общих деепричастных форм, например, на *-тõдз* (удм. *-тозь*), *-тõг* (удм. *-тэк*), *-к*-овые деепричастия (кз. *-иг*, *-игõн* и др., кп. *-икõ*, удм. *-кү*).

На современном этапе развития пермских языков система именных глагольных форм, дифференцируемая исследователями на причастия, инфинитивы, деепричастия, в целом уже сформирована, как и их функциональная сфера. Ближе к ним находятся отглагольные имена действия. Генетическая связь именных глагольных форм и отглагольных имён уже давно установлена, «под деепричастиями в пермских языках понимается большая группа адвербиализованных имён» (Суханова 1963: 87). В работах, касающихся изучения причастия, деепричастия, инфинитива в пермских языках регулярно отмечаются некоторые свойства этих глагольных форм, трактуемые как архаические, пережиточные черты, наследие прошлого (например, П. Н. Перевошиков у деепричастий на *-ку* отмечает такие проявления именного источника происхождения, как употребление с показателями дательного падежа *-лы* и разделительного *-лэсь*, сочетание с послелогом *сарысь*, примённым отрицательным показателем *õвõл* «не, нет» (Перевошиков 1959: 66). Обычно они отличаются редкостью употребления, диалектным характером. В коми языках (коми-зырянском и коми-пермяцком) очень своеобразны *-к*-овые деепричастия. В настоящей статье внимание обращено на одно из «недеепричастных» свойств отглагольных образований коми-зырянского языка с формой *-иг* / коми-пермяцкого *-ик*, имеющих статус деепричастия, связанное с их атрибутивными свойствами, определительной функцией.

Как отмечалось выше, *-к*-овые деепричастия сохранили ряд номинативных черт, особенно много – деепричастия с формой *-иг* в коми-зырянском языке. Тем не менее основная функциональная нагрузка в современном коми-зырянском и коми-пермяцком языках у форм на кз. *-иг*, кп. *-ик* носит адвербиальный, обстоятельственный характер. Следует отметить, что в отличие от деепричастий на *-иг* коми-зырянского языка, в коми-пермяцком языке употребительна деепричастная форма *-икõ*, а форма *-ик* используется либо в сопровождении послелога, либо с лично-притяжательным суффиксом (PX), но не самостоятельно.

В некоторых работах мы встречаем сведения об особенностях функционирования отглагольных форм на *-иг* в непривычном для дее-

причастий качестве определения, об атрибутивных сочетаниях с данной формой. Можно отметить заметки Д. В. Бубриха и В. С. Сухановой об адъективных качествах образований на *-иг* в сочетаниях вроде *ас тöриг розь* «отверстие, человека вмещающее», а также в предложениях с глаголами говорения, чувствования, мнения (Бубрих 1949: 111-112; Суханова 1951: 8) типа *Рыньштö чайтö сотчиг* «Ригу считает горячей»; Г. Стипа конструкции с такими образованиями включает в группу конструкций «*accusativus cum prädicativo*» (Stipa 1960: 185-186); статьи Д. Р. Фокоша-Фукса (Fokos-Fuchs 1958) «Глагольные наречия в пермских языках», Е. А. Цыпанова «Диалектные особенности в трудах Ю. Вихмана» (Цыпанов 1990), диалектные примеры, зафиксированные в Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов (1961), монографию Р. М. Баталовой «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам» (1982).

Обнаружив в текстах и грамматических обзорах по коми-зырянским диалектам Ю. Вихмана примеры употребления современных *-иг*-овых деепричастий в качестве определения к имени, такие как *ас тöриг розь* «отверстие, в которое можно пролезть самому» из присыктывкарского диалекта коми-зырянского языка, которые «проблематично было бы считать как собственно деепричастные», Е. А. Цыпанов относительно статуса *-иг*-овых форм делает вывод, что «возможно, в современном коми языкознании толкование многочисленных *-иг*-овых отглагольных форм только лишь как деепричастий не является абсолютно верным» (Цыпанов 1990: 87). К этому его подталкивают и анализ материала по *-иг*-овым формам и вывод об омонимичных *-иг*-овых отглагольных именах и деепричастиях, сделанный Д. Р. Фокош-Фуксом в его работе (Fokos-Fuchs 1958: 310), а также определение статуса *-иг*-овых форм зарубежными исследователями (Ф. Видеманом, Ю. Вихманом и другими) как *Verbalnomina*, а не *Verbaladverb*.

Кроме примеров с формами на *-иг* в функции определения, зафиксированных Ю. Вихманом и Д. Р. Фокошем-Фуксом, Д. В. Бубрихом (как *ас тöриг розь*), адноминимальное употребление *-иг*-овой формы находим в Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов (ССКЗД 1961: 486), продублированное впоследствии Р. М. Баталовой (Баталова 1982: 152). В словаре зафиксированы сочетания с *-иг*-овой формой в функции определения и с признаками причастий в летском диалекте коми-зырянского языка со словом *пöра* «время, пора», где форма на *-иг*

использована вместо причастной формы на *-ан* других диалектов: *уд-жаліг пѳра* «рабочее время», *зэриг пѳра* «дождливое время», ср. скр. *уджалан пѳра*, *зэран пѳра*. Примеры атрибутивного употребления *-иг-овой* формы, трактуемой в современном коми языке как деепричастие, отражены таким образом в диалектном материале коми-зырянского языка (присыктывкарский, летский диалекты), оставляя зону коми-пермяцкого языка и диалектов в стороне. Однако в источниках на коми-пермяцком языке также находим примеры аналогичного употребления деепричастной формы *-ик*. Кроме редких примеров из летского диалекта, зафиксировавших атрибутивное употребление *-иг-овой* формы в сочетании с существительным *пѳра* «время» и относящихся к середине прошлого столетия, удалось обнаружить аналогичный, тоже редкий, пример из коми-пермяцкого языка, в тексте, отражающем южный, взовый диалект. Этот источник – перевод книги с русского языка *Лилина, Злата Иоановна. Наш учитель Ленин: Книжка для детей. Ленинград: Гос. изд-во, 1924. 24 с. – 3. Лилина Миян вевѳтись Ленин. М.: Центриздат, 1925.* с переводом на коми-пермяцкий язык Д. С. Шипицина, напечатанный молодцовским шрифтом. В нём мы встречаем аналогичные с летскими примерами сочетания с формой на *-ик* и существительным *пора* «пора, время, сезон» во временном значении, где деепричастная форма на *-ик* составляет конкуренцию форме на *-ан*, для сравнения: *кѳдзан пора* «время сева» (КПРС 1985: 358):

(1) <...> *сія кѳр пукавѳ шковаын вевѳтчик пора, сэж кывзѳ и оз ыжмав* (Лилина 1925: 4) «<...> когда он сидит в школе во время учёбы (букв. в учебное время; во время учёбы), то слушает и не балуется»;

(2) *Володя кужвис миянѳ ѳтваавны, кѳр байитік ли пораѳ собраннѳны ли, орсік пораѳ и быдваын кытѳн бы ми эг вѳвѳ* (Лилина 1925: 16-17) «Володя умел нас объединять, хоть за разговорами (букв. во время общения), хоть во время игр, и везде, где бы мы ни были».

Примеры показывают, что явление атрибутивного употребления *-к-овых* образований (*-иг*, *-ик*) имело не узкодиалектный собственно коми-зырянский (в территориальном отношении лузский диалект и коми-пермяцкие диалекты не граничат), а общекоми характер, и отражает прежнюю полифункциональность *-к-овых* образований. Следует отметить, что в коми-пермяцких примерах используется, подобно коми-зырянскому, «чистая» (или краткая) форма *-ик*, без послелогов и лично-притяжательных суффиксов.

С большой долей уверенности можно утверждать, что атрибутивное употребление *-иг*-овой формы в лузском диалекте коми-зырянского языка и в южных диалектах коми-пермяцкого языка в настоящее время уже утрачено, и авторам диалектного словаря Т. И. Жилиной, М. А. Сахаровой, В. А. Сорвачёвой удалось зафиксировать, действительно, редкие примеры, так как в монографии по лузско-летскому диалекту коми-зырянского языка, изданной в 1985 году (ЛЛД 1985) подобные случаи не упоминаются. Коми-пермяцкие исследователи также нигде не приводят сочетания с *-ик* и существительным *пора* «время, пора», которые во время фронтальных исследований коми-пермяцких диалектов, видимо, уже не функционировали, исчезли из употребления раньше, чем началось системное исследование коми-пермяцких диалектов, и диалектологи их уже не застали.

Ещё один пример атрибутивного (адноминального) употребления современной коми-зырянской деепричастной формы *-иг* и современной коми-пермяцкой формы *-ик* следует отметить в сочетаниях с отглагольной лексемой кз. *тöриг*, кп. *тöрик* «вещающий, букв. вещая», представляющих дименсивную конструкцию (т.е. конструкцию размера, физических объектов, где даётся количественная характеристика предмета, выражаемая через уподобление его по размеру другому предмету, а также объёма – количественной характеристики пространства, занимаемого телом или веществом). Ранее Ю. Вихманом, Д. Фокошем-Фуксом зафиксированы примеры в диалектном материале коми-зырянского языка, как деепричастие лексема *тöрик* отмечена в Коми-русском словаре 1961 г. вместе с формой на *-мön*: *ведра тöриг* (деепр.) или *ведра тöрмön* (деепр.) ёмкостью в ведро, ведёрный: *дас мöс тöрмön карта* хлев на десять коров; *морт тöриг* (деепр.) *розь* или *морт тöрмön* (деепр.) *розь* отверстие, в которое может пролезть человек (КРС 1961: 689), в коми-зырянских диалектах: *тöриг* вв. скр.сс., *тöрöг* нв., *тöрöд* лл. – ёмкостью, вместимостью с; *ведра тöриг* скр., *ведра тöрöг* нв., *ведра тöрöд* лл. – вместимостью с ведро (ССКЗД 1961: 376); в коми-пермяцком она зафиксирована в 1985 году в коми-пермяцко-русском словаре: *тöрик* вместимостью в..., ёмкостью в...; *ведра* ~ ёмкостью в ведро, ведёрный; *мешöкыс куим пуд* ~ мешок вместимостью в три пуда (КПРС 1985: 485), примеры:

кп. *Инда океаныслön шöрöт пыдынасö лыддьöны 3711 м, медпыдыныныс — 7209 м. Ваыс 282,65 млн. км³ тöрик* (<https://koi.wikipedia>).

org/wiki/Инда_океан) «Средняя глубина Индийского океана насчитывает 3711 метров, самая глубокая часть – 7209 м. Вода объёмом 282, 65 млн. кубометров»;

кп. *Семьяным вöлі ыджыт – капустасö солавлім быдса бочка. Идсис тусьсö керам-масьтам ведра тöрик кадуляö тыр* (Мальцева Н. Көклөн тоин // http://www.finnougoria.ru/logos/child_lit/2504/34399/) «Семья у нас была большая – капусту квасили в бочках. Ячмень толчём полную в кадку, ёмкостью в ведро»;

кп. Рыгъявылас, <...>, *от киас кум литр тöрик тыра бидонён, мөдас – сумкаын тишакён, Таисья котбрён чулаліс бөрья ыб, <...>* (Фадеев 1989: 226) «Вечером, с полным трёхлитровым (букв. вместимостью три литра) бидоном в одной руке, в другой – с сумкой с грибами, Таисья бегом преодолела последнее поле».

Материал коми-зырянского языка демонстрирует синонимию в атрибутивных сочетаниях со значением размера, величины, объёма. Дименсивная конструкция, кроме *-иг-овой* лексемы *тöриг* «вместимостью», в современном коми-зырянском языке может строиться с помощью лексем, образованных суффиксом герундиума (причастно-депричастной формы) *-мөн*: *төрмөн*, суффиксом причастия *-ан*, *-ана*: *төрана* со значением «способный вмещать, способный вместить; ёмкостью, вместимостью с; способный пропустить» (КРК 2000: 654–655), образуя синонимический ряд: *тöриг – төрмөн – төрмөна – төрана*. В коми-пермяцком языке можно отметить синонимию сочетаний *тöрик – төран*, примеры:

кз. *Со тай, чунь тöриг бутылкаын купоросной вый <...>* (Безносиков // komisproga.ru) «Вон там, в маленькой (досл. вместимостью в палец) бутылке, купоросное масло»;

кз. *Арся ывлаыс удитöма нин куньны синъяссö, юр тöрмөн öшинь быттö кажитчис юланö пемыд розьён* (Васютов // komisproga.ru) «Осенняя природа уже успела впасть в сон, окно размером с голову казалось тёмной дырой, глядящей в сторону реки»;

кз. *чунь тöрмөна жыр* очень маленькая комната; комната площадью с палец (КРК 2000: 720);

кз. *Ротнөйлөн чунь тöрмөна* землянкаын öзйис гильзаысь вöчөм неыджыд лампа (Львовов // komisproga.ru) «У ротного в маленькой (досл. размером в один палец) землянке горела небольшая лампа, сделанная из гильзы»;

кз. *А здукён од и позьё нев тёрана розьтё вурьшитнытё* (Ульянов 2007: 8–23) «А ведь за минуту можно зашить дырку, в которую пролезает палец»;

кз. *Часовня сруб пытикас тэчисны кык мортлы водёмён тёрана ванна сяма бассейн* (Липин // komisoproga.ru) «В срубe часовни соорудили похожий на ванну бассейн, вмещающий двух человек в положении лёжа»;

кп. *Жадной инькайс: тиаксё солалис ведра тёран туйссэзё* (Федосеев С. А. Виль гортын// <https://studfiles.net/preview/3562384/page:3/>) «Жадная женщина: грибы засолила в тусеса, ёмкостью в ведро»;

кп. *Ашынас яйсё пёжис горын ведра тёран чугунён <...>* (Федосеев С. А. Кусём бизэ // <https://studfiles.net/preview/3562384/page:6/>) «Назавтра мясо потушила в печи в вёдерном чугуне».

Если в коми-зырянском языке деепричастие на *-мён* в качестве обстоятельства меры и степени конкурирует с деепричастием на *-тёдз: пётмён – пёттёдз* «досыта» (Цыпанов 1985: 186), то причастие на *-мён* в функции определения в дименсивных конструкциях с лексемой *тёр-мён* конкурирует с лексемой на *-иг: тёрмён – тёриг*, которую в данном окружении и при данной функциональной нагрузке трудно отнести к деепричастию или наречию.

Материал коми-зырянского и коми-пермяцкого языков, отражающий атрибутивное функционирование *-к*-овых отглагольных образований, демонстрирует синкретичный характер форм на кз. *-иг*, кп. *-ик*. В современном коми-зырянском и коми-пермяцком языке основная синтаксическая функция образований, имеющих статус деепричастий – обстоятельственная, у коми-пермяцкого деепричастия распространены формы *-икё, -ик* в определённо-притяжательных формах (*-икРХ*): *-икам, -икат, -икас* и т.д. либо «только сочетания *-ик* с временными послелогами послелогами (*коста* «между», *кежсё* «к»), на что указывала А. С. Кривощёкова-Гантман (Кривощёкова-Гантман 1985: 614). В качестве атрибута (с синтаксической функцией определения) в дименсивных конструкциях с количественным значением (меры, размера, объема) в современном коми-пермяцком и коми-зырянском используется «чистая» форма *-ик, -иг: юр (кулак, чунь, морт и т.д.) тёриг розь* «отверстие, размером с (букв. вмещающее) голову (кулак, палец, человека и т.д.)». Развита синонимия конструкций, кроме *тёриг*: с причастиями *тёрана* (в кз.), *тёрмён, тёрмёна* (только в кз.), *тёран*.

Атрибутивные сочетания с образованиями на *-иг*, *-ик* со словом *пѳра*, *пѳра* в коми-зырянском и коми-пермяцком языках – явление редкое и скорее всего уже вышедшее из употребления.

Конструкции «*accusativus cum praedicativo*» с *-иг* (а также *-игѳн*) в коми-зырянском языке в предложениях с глаголами говорения, чувствования, мнения функционируют в современном коми языке, особенно в его разговорной сфере: *Сэсся таво коль бура артмѳма, чайтѳны бур прѳмыс лоиг – ур кыйны кутасны* (Савин 1962: 517) «В этом году шишка хорошая уродилась, считают, что хорошая добыча будет (букв. считают хорошую добычу становящейся) – будут белку промышлять»; *Медся интересной пьесаыд сэки, кор видзѳдысь (либѳ лыддьысь) бѳрья-вылѳдысь оз гѳѳрво веськыд помсѳ (развязкасѳ), кор найѳ чайтѳны ѳти ног лоиг, а берѳѳчас дзык мѳдарѳ* (Савин 1962: 608) «Пьеса интереснее всего тогда, когда зритель (или читатель) до конца не понимает развязки, когда они считают, что будет так (букв. считают становящимся таким образом), а получится совсем по-другому».

Атрибутивное употребление *-ик*/*-иг*-овой формы (в качестве причастия) в коми-пермяцком и коми-зырянском языках демонстрирует современное состояние отглагольных образований, отражающее полифункциональность форм (адвербиальное и адъективное качество), а следовательно, требует уточнения статуса, как уже отмечали ранее исследователи.

Литература

1. Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (Коми языки). – М., 1982. – 168 с.
2. Безносиков В. И. Ок, и мортлѳн олѳм! // Безносиков В.И. Ок, и мортлѳн олѳм. Режим доступа URL: <http://komicoroga.ru> . (дата обращения: 6.11.2018).
3. Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. – Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1949. – 207 с.
4. Васютов Ю. К. Шыр кывтѳ-катѳ // Васютов Ю. Шондѳ вой. Сыктывкар: Коми небѳг лѳдзанѳн, 2002. 320 лб. Режим доступа URL: <http://komicoroga.ru>. (дата обращения: 6.11.2018).
5. Инда океан. – Режим доступа URL: [http:// https://koi.wikipedia.org/wiki/Инда_океан](http://https://koi.wikipedia.org/wiki/Инда_океан) (дата обращения: 6.11.2018).
6. КППС 1985 – Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривошѳкова-Гантман. – М.: Рус. яз., 1985. – 624 с.
7. Кривошѳкова-Гантман А. С. Краткий грамматический очерк коми-пер-

- мяцкого языка // Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривошлёкова-Гантман – М.: Рус. яз., 1985. С. 595–621.
8. КРК 2000 – Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор: 31000 кымын кыв. – Сыктывкар, 2000. – 816 л. б.
9. КРС 1961 – Комиа-роча словарь / Проф. В. И. Лыткин редакция улын. – М., 1961. – 923 л. б.
10. Лилина З. Миян вевотись Ленин / Перевод на коми-пермяцкий язык Д. С. Шипицина. – М.: Центриздат, 1925.
11. Лилина З. И. Наш учитель Ленин: Книжка для детей. – Л., 1924. – 24 с.
12. Липин Бөрб кольмаыс оз вун: повесть-казьтылом. Сыктывкар: КРИРОиПК «Полиграф-сервис», 2002. 100 лб. Режим доступа URL: <http://komisoproga.ru>. (дата обращения: 6.11.2018).
13. ЛЛД 1985 – Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. – М.: Наука, 1985. – 274 с.
14. Лыпоров А. А. Кодлы война, а кодлы и...// Лыпоров А.А. Атгъ тиялы: повесть, висьтыяс. – Сыктывкар, 1991. –Л.б.3–109. Режим доступа URL: <http://komisoproga.ru>. (дата обращения: 6.11.2018).
15. Мальцева Н. Коклön тоин (Кукушкин пест). Режим доступа URL: http://www.finnougoria.ru/logos/child_lit/2504/34399/ (дата обращения: 10.11.2018).
16. Перевошников П. Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1959. – 328 с.
17. Савин В. А. Кывбурьяс. Поэмаяс. Пьесаяс. Висьтыяс. Очеркьяс. – Сыктывкар, 1962. – 655 с.
18. ССКЗД 1961 – Жилина, Т. И., Сахарова, М. А., Сорвачева, В. А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: Ок. 25 000 слов. – Сыктывкар: Коми книгоиздат, 1961. – 490 с.
19. Суханова В. С. Деепричастные наречия в коми языке: автореф. дис... канд. филол. наук. – Петрозаводск, 1951. – 26 с.
20. Суханова В. С. О семантике притяжательного суффикса 3 лица единственного числа в пермских языках // Лингвистический сборник. Вып.1. – Петрозаводск, 1962. – С. 80–89.
21. Суханова В. С. Употребление притяжательных суффиксов с различными частями речи в пермских языках // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. – 1963. – Вып. XXXIX. – С.80–89.
22. Ульянов А. Кыпш бёрся кыпш...// Войвыв кодзув. – 2007. – №1. – С.8–23.
23. Фадеев Т. Ыбшар: Роман. – Кудымкар, 1989. – 352 л.б.
24. Федосеев С. А. Виль гортын // Федосеев С.А. Öктöм проза. Парма, 2006. Режим доступа URL: <https://studfiles.net/preview/3562384/page:3/> (дата обращения: 11.11.2018).
25. Федосеев С. А. Кусöм бизэ // Федосеев С.А. Öктöм проза. Парма, 2006. Режим доступа URL: <https://studfiles.net/preview/3562384/page:6/> (дата обращения: 11.11.2018).

26. Цыпанов Е. А. К истории суффикса -мен в коми языке // Советское финно-угроведение. – 1985. – № 3 (XXI). – С. 182–189.

27. Цыпанова Е. А. Диалектные особенности в трудах Ю.Вихмана // Пермистика 2. Вихман и пермская филология. – Ижевск, 1991. – С. 83–88.

28. Fokos-Fuchs D. R. Die Verbaladverbien in der permischen Sprachen // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1958. – K. 8. – Old. 273-342.

29. Stipa G. Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen. – Helsinki, 1960. – 290 s.